

А. Р. Фокин

ТЕОРИЯ «БОГОДУХОВЕННОГО ПЕРЕВОДА» И ЕЕ КРИТИКА У БЛЖ. ИЕРОНИМА СТРИДОНСКОГО

Статья посвящена вопросу о Божественном происхождении Септуагинты и связанной с этим теории «богодуховенного перевода», а также ее критике со стороны блж. Иеронима Стридонского. Последовательно рассматриваются свидетельства «Послания Аристее к Филократу», Аристовула, Иосифа Флавия и особенно Филона Александрийского, который впервые сформулировал теорию «богодуховенного перевода», приравняв переводчиков LXX к пророкам. Анализируется развитие этой идеи у писателей II–III вв. — св. Иустина Философа, Климента Александрийского, св. Иринея Лионского, Тертуллиана и автора «Увещания к эллинам», у которых возникшее в среде александрийских иудеев предание о LXX как о «богодуховенном переводе», призванном открыть «эллинам» доступ к древней «еврейской мудрости», достигло высшей точки развития, приобретая статус сакрального предания Церкви. Единственным христианским автором, критически отнесшимся к этому преданию, был блж. Иероним Стридонский. Изучая вопрос о соотношении древнееврейского текста Ветхого Завета и его различных греческих переводов, он пришел к убеждению, что перевод LXX не является богодуховенным и может использоваться лишь как один из возможных переводов Библии. Он не может заменить собой древнееврейский оригинал, единственный богодуховенный, из которого именно и брали свои свидетельства Иисус Христос, апостолы и евангелисты. Установлено, что блж. Иероним также подверг резкой критике саму теорию «богодуховенного перевода», вместо которой он предложил применять к Библии методы классической теории литературного перевода. Позиция блж. Иеронима в полемике вокруг сакрального статуса LXX, несмотря на ее критику со стороны многих его современников (в частности, блж. Августина), постепенно была принята всей Западной Церковью, отказавшейся от старолатинского перевода Библии и заменившей его иеронимовой Вульгатой, переведенной непосредственно с древнееврейского оригинала.

Ключевые слова: иудаизм, христианство, Откровение, Библия, Септуагинта, богодуховенность, пророчество, теории перевода, Филон Александрийский, блж. Иероним Стридонский.

1. *Вопрос о происхождении Септуагинты. «Послание Аристее к Филократу».* Возникновение теории «богодуховенного перевода», дополняющей собой традиционную христианскую доктрину о богодуховенности Библии, связано с легендой о происхождении греческого перевода Библии — Септуагинты (лат. Septuaginta, далее — LXX)¹. Как хорошо известно, первое по времени свидетельство о происхождении LXX содержится в так называемом «Послании Аристее к Филократу»², которое было написано от лица Аристее, служившего при дворе египетского царя Птолемея II

Алексей Русланович Фокин — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (al-fokin@yandex.ru).

¹ Подробнее о происхождении Септуагинты см.: [Schwarz, 1955, 17–26; Pelletier, 1962, 78–98; Jellicoe, 1968, 29–58; Вевурко, 2013, 35–80].

² Критическое издание оригинального текста: *Aristeae epistula ad Philocratem // Sources chrétiennes* 89 / Éd. A. Pelletier. Paris: Cerf, 1962, p. 100–240. Отрывки см. также: *Joseph. Flav. Antiquitates. Prooem.* 3; XII 2. 1–15; *Euseb. Praep. Evang.* XIII 12. 2.

Филадельфа (285–246 гг. до Р. Х.)³. Для дальнейшего хода рассуждения представляется необходимым кратко рассмотреть его содержание в той мере, в которой оно проясняет обстоятельства создания перевода LXX и характеризует сам перевод с точки зрения принципов и методов его выполнения, оценки на соответствие оригиналу и рецепции в последующей традиции.

В «Послании», в частности, сообщается, что царь Птолемей по совету своего библиотекаря Деметрия Фалерского пожелал приобрести для Александрийской библиотеки книги «иудейских законов» (τοῦ νόμου τῶν Ἰουδαίων βιβλία, т. е., по-видимому, Пятикнижие), которые были написаны «еврейскими письменами»; и хотя ранее кем-то был сделан их перевод на греческий язык, однако, по причине того, что он был неточный и недостоверный, требовалось сделать их новый и точный перевод, поскольку содержащееся в них учение было «чистым и святым» (ἀγνήν τινα καὶ σεμνήν), и даже «божественным» (θεῖαν, § 9–11, 30–32).

Для этого Птолемей отправил в Иерусалим к иудейскому первосвященнику Елеазару посольство во главе со своим телохранителем Аристеом, снабдив его щедрыми дарами (§ 33–40). В сопроводительном письме он просил первосвященника выбрать из каждого из двенадцати израильских колен по шесть опытных «старцев» (πρεσβυτέρους), засвидетельствованных добродетельной жизнью, сведущих в Законе и способных к переводу (δυνατοῦς ἐρμηνεῦσαι) с еврейского на греческий, чтобы они совместно выработали текст, представляющий мнение большинства (ἐκ τῶν πλείονων τὸ σύμφωνον, § 39). Получив послание Птолемея, Елеазар поступил так, как его просили: он выбрал 72 переводчика — по шесть из каждого колена (имена всех перечислены в § 47–50), не только опытных в еврейской книжности, но и сведущих в греческой образованности, — и послал их в Александрию вместе с драгоценной рукописью Торы, чтобы они сделали там «точный перевод святого Закона» (μετὰ ἀσφαλείας ἢ τοῦ ἁγίου νόμου μεταγραφή, § 45–46, 121–127, 172).

Когда переводчики прибыли в Александрию, царь устроил для них пышный прием, длившийся неделю, во время которого он подверг испытанию их знания и способности (§ 203–300). После этого царь отправил их под надзором своего библиотекаря Деметрия на небольшой уединенный остров недалеко от Александрии, обеспечив всем необходимым, чтобы ничто не отрывало их от работы (§ 301). Так они начали совместную работу над переводом Пятикнижия, «достигая согласия друг с другом в каждом случае путем сравнения [своих переводов]» (ἐκάστα σύμφωνα ποιοῦντες πρὸς ἑαυτοὺς ταῖς ἀντιβολαῖς), а текст, получившийся «в результате их согласия» (ἐκ τῆς συμφωνίας), Деметрий повелел аккуратно переписывать (§ 302).

Примечательны условия, в которых работали переводчики: они были обеспечены всем необходимым, их ничто не отвлекало; каждое утро, прежде чем начать свою работу, они, по иудейскому обычаю, омывали свои руки в море и возносили молитвы к Богу, чтобы показать «чистоту» своих дел и помыслов и так совершить все «в праведности и истине» (ἐπὶ τὴν δικαιοσύνην καὶ τὴν ἀλήθειαν). После этого они совместно работали над переводом (συναγόμενοι τὸ προκειμένον ἐπετέλουν), «читая и разъясняя каждое место» (πρὸς τὴν ἀνάγνωσιν καὶ τὴν ἐκάστου διασάφησιν), и имели общее собрание (τὰ τῆς συνεδρείας) вплоть до девятого часа, а потом расходились по своим

³ В современной науке это послание считается псевдоэпиграфом; оно было написано неизвестным иудейским автором (или Псевдо-Аристеом), жившим в Александрии ок. 150–100 до Р. Х. и принадлежавшим к иудео-эллинистической среде; однако само предание о происхождении LXX, несомненно, восходит к III в. См.: Православная Энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 233; Encyclopaedia Judaica / Ed. F. Skolnik, M. Berenbaum. Jerusalem: Keter Publishing House, 2007. Vol. II. P. 456–457; см. также: [Вевюрко, 2013, 47; Wright, 2015, 14, 16–20]. Русский перевод «Послания» был сделан еще в начале XX в. проф. В. Ф. Иваницким, см.: Письмо Аристея к Филократу // Труды Киевской духовной Академии. 1916. Т. 2. Кн. 7/8. С. 153–198; Т. 3. Кн. 9/10. С. 1–37; Кн. 11/12. С. 197–225. Современный английский перевод с предисловием и комментариями см.: The Letter of Aristeas // Transl., introd. by B. G. Wright. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. В нашей статье мы даем собственный перевод цитируемых фрагментов.

комнатам ужинать и отдыхать (§ 303–307). В рассказе Псевдо-Аристия примечательно одно обстоятельство: 72 переводчика закончили свою совместную работу ровно в течение 72 дней; причем, по мнению автора «Послания», это не было случайным совпадением, но «произошло как будто по некоему намерению» (οἰοῦναι κατὰ πρόθεσιν τινα, § 307). Важно также, что когда перевод Пятикнижия был прочитан вслух перед собранием старейшин александрийских иудеев, те одобрили его, засвидетельствовали его верность еврейскому оригиналу и клятвенно запретив что-либо в нем изменять (§ 308–310):

Поскольку перевод был сделан хорошо и благочестиво (καλῶς καὶ ὀσίως διηρμήνευται) и с точностью во всем (κατὰ πᾶν ἠκριβωμένως), то будет правильно, чтобы он оставался таковым, каков есть, без какого-либо пересмотра (μηδεμία διασκευή). И когда все согласились со сказанным, то, по своему обычаю, заставили произнести проклятие на того, кто будет пересматривать, прибавляя или изменяя что-то из написанного, что бы это ни было, или делать в нем сокращения. Они правильно так поступили, чтобы [текст] всегда во всем сохранялся одинаковым (§ 310–311).

Когда перевод Пятикнижия прочли царю Птолемею, он удивился содержащейся в нем мудрости и спросил, почему греческие поэты и историки прежде им совершенно не интересовались. Как пояснил ему Деметрий, иудейский «Закон является благочестивым (σεμνὴν) и произошел от Бога» (διὰ θεοῦ γεγονέναι), так что всех, кто прежде приводил выдержки из него в старом неточном переводе, например историка Феопомпа и поэта Феодекта, постигла кара Божия, потому что они «желали сообщить нечистым людям Божественное» (τὰ θεῖα, § 312–316). Тогда Птолемей, благоговейно поклонившись перед книгами иудейского Закона, повелел хранить их с должными почестями в своей дворцовой библиотеке, а переводчиков одарил богатыми дарами и отправил обратно в Иерусалим (§ 317–320).

Этот рассказ о происхождении LXX содержит важные сведения как о характере этого библейского перевода, так и о методах, которые здесь использовались, а также о способе его авторизации и дальнейшей сакрализации. Прежде всего, инициатива создания этого перевода исходила от конкретных людей — царского библиотекаря Деметрия, убедившего царя Филадельфа в его необходимости по причине святости и Божественности самого текста Пятикнижия. Во-вторых, для перевода были избраны опытные люди, начитанные в иудейском законе и греческой литературе, владевшие языком как оригинала, так и перевода. Тем самым автор «Послания» подчеркивает, что качество перевода напрямую зависело от способностей переводчиков. Далее, очень важно, что переводчики работали над текстом *совместно*, в одном собрании, сверяя друг с другом различные варианты перевода, чтобы прийти к согласию и выработать *единый общепринятый текст* Пятикнижия. Получившийся в результате перевод был признан точным и соответствующим оригиналу не только согласным мнением самих переводчиков, но и авторизован лидерами иудейской религиозной общины, которым он был зачитан. Для сохранения неизменности текста было принято решение ничего в нем не менять и с помощью проклятия запретить любые попытки его изменения⁴. Тем самым текст Пятикнижия, впоследствии вошедший в состав LXX, с самого начала фактически объявлен сакральным и равным по силе богодухновенному оригиналу⁵.

Однако, как представляется, эта сакрализация была основана не на убеждении в богодухновенности самих переводчиков или чудесном Божественном вмешательстве в их работу, но на убежденности в богодухновенности самого Пятикнижия, с которого был сделан насколько возможно точный перевод. При этом точность перевода

⁴ Хотя тезис о закреплении неизменности перевода под угрозой проклятия и не находит опоры в истории текста LXX, это не противоречит изначальному желанию александрийских иудеев сохранить его в первоизданном виде (см.: [Вевюрко, 2013, 50]).

⁵ См.: [Вевюрко, 2013, 50–51].

обеспечивалась не Божественным вдохновением или наитием переводчиков, но их филологической и богословской компетентностью, а также их совместным обсуждением трудных мест и коллегиальным методом выработки общепринятого текста⁶. Единственное «чудесное знамение», которое упоминает автор «Послания», — это таинственное совпадение числа переводчиков и числа дней (72), которые им потребовались для завершения перевода⁷. Это обстоятельство показалось ему результатом некоего таинственного «намерения» (πρόθεσιν τινα) — очевидно, намерения Бога высказать Свое одобрение сделанному переводу. Однако это обстоятельство, если оно действительно имело место, ничуть не умаляет собственного вклада переводчиков в дело перевода священного текста, но лишь *post factum* подтверждает надежность и точность перевода со стороны «высшей силы».

2. *Возникновение теории «богодухновенного перевода».* Филон Александрийский. Информация, содержащаяся в «Послании Аристея», оказала определяющее влияние на всю дальнейшую как иудейскую, так и христианскую традицию. На это послание опирался, в частности, Аристовул, александрийский иудейский философ-эксегет II в. до Р. Х.⁸, а также знаменитый иудейский историк I в. по Р. Х. Иосиф Флавий. Последний в своем рассказе о создании LXX, воспроизводит краткое содержание «Послания Аристея»⁹. Однако в двух пунктах он расходится с автором «Послания». Во-первых, историк говорит о том, что переводчиков было 70, а не 72 (τῶν ἑβδομήκοντα πρεσβυτέρων)¹⁰, тем самым следуя другой традиции, впоследствии широко представленной у христианских авторов. Во-вторых, когда он сообщает о желании иудейских религиозных лидеров и переводчиков сохранить текст в неизменном виде, он не упоминает о проклятии, но делает одно интересное замечание:

Все похвалили это пожелание и повелели, что если кто-нибудь усмотрит в Законе какое-нибудь лишнее дополнение или опущение, то пусть тот, кто заметил и указал на это, тотчас внесет [нужное] исправление. Так они поступили вполне предусмотрительно, чтобы то, что было единожды решено, оставалось бы всегда неизменным (Antiquitates. XII 2.13).

Тем самым, Иосиф придает переводу менее сакральный статус и указывает на возможность последующего искажения текста в процессе его передачи, почему тот нуждается в постоянном сравнении с оригиналом — в данном случае, очевидно, с греческим, а не с еврейским. Все это показывает, что «отношение Иосифа к Септуагинте... имело менее религиозный характер, нежели у александрийских евреев»¹¹.

Однако наряду с традицией, в точности опирающейся на «Послание Аристея», существовала также несколько иная (возможно, устная) традиция, впоследствии получившая широкое распространение, в которой чудесная или Божественная сторона создания LXX вышла на первый план. Именно она дала почву для возникновения теории «богодухновенного перевода». Первое и важнейшее свидетельство о ней мы находим у Филона Александрийского. Свой рассказ о создании греческого перевода Пятикнижия, в общих чертах напоминающий «Послание Аристея», он помещает в своем трактате «О жизни Моисея»¹².

⁶ Ср.: [Schwarz, 1955, 21].

⁷ Ср.: [Schwarz, 1955, 21; Вевюрко, 2013, 55].

⁸ Краткий фрагмент о создании LXX см.: *Aristobulus. Fr. 1 // Fragmenta pseudepigraphorum quae supersunt Graeca. Pseudepigrapha veteris testamenti Graece. Vol. 3 / Ed. A.-M. Denis. Leiden: Brill, 1970. P. 2.23–29. См.: [Вевюрко, 2013, 54–55; Wright, 2015, 7].*

⁹ См.: *Joseph. Flav. Antiquitates. XII 2.1–15.*

¹⁰ *Ibid.* XII 2.7. Впрочем, в дальнейшем предании о LXX количество переводчиков также варьируется от 70 до 72; см.: [Вевюрко, 2013, 54].

¹¹ См.: [Вевюрко, 2013, 60].

¹² См.: *Philo. De vita Mos. II 25–40.* См. также: [Schwarz, 1955, 21–25; Jellicoe, 1968, 38–41]. Все цитаты из сочинений Филона приводятся в нашем переводе.

Прежде всего, Филон говорит, что иудейский Закон по причине его священности (ἱεροπρεπές) изначально был предметом почитания не только у иудеев, но и у других народов; однако долгое время он существовал только на еврейском языке и оставался без перевода. Но вот настало время, чтобы Закон Божий просветил своим светом и эллинов. Дело по его переводу было «поручено», или «доверено» (ἀντετέθη), — очевидно, Богом — царю Птолемею Филадельфу как «наилучшему из царей» (βασιλέων τῷ δοκιωτάτῳ, § 25–29). Движимый «рвением и сильным желанием» иметь у себя греческий перевод иудейского Закона (τῆς νομοθεσίας ἡμῶν), он послал посольство к иудейскому первосвященнику, который был одновременно и царем Иудеи, и попросил его выбрать для этого надежных переводчиков. Первосвященник же, посчитав, что это дело происходит «не без Божественного замысла» (οὐκ ἄνευ θείας ἐπιφροσύνης), выбрал из своих подданных ученейших мужей, сведущих в отеческом законе и эллинском образовании, и послал их в Александрию¹³. Царь Птолемей принял их и, после тщательной проверки их знаний, позволил им приступить к работе (§ 30–33).

При этом, как сообщает Филон, с самого начала переводчики руководствовались следующими принципами:

Поразмыслив в самих себе, сколь великая задача — перевести законы, переданные от Бога посредством пророчеств (θεσιπθέοντας νόμους χρησμοῖς διερμηνεύειν)¹⁴, [они решили], что не могут [в них] ничего ни убавить, ни прибавить, ни переместить, но должны сохранить [в точности] их изначальный вид и характер (§ 34).

Для этого они постарались отыскать спокойное и тихое место за городом, где никто и ничто не могло бы помешать их работе или осквернить ее¹⁵. Переводчики отправились на небольшой остров Фарос, расположенный недалеко от Александрии, где они нашли душевную тишину и покойствие, в которой могли «одной лишь душой беседовать с одними законами» (§ 36). Прежде чем начать работу, переводчики вознесли молитвы к Богу:

Взяв священные книги, они воздели вместе с ними свои руки к небу, прося Бога, чтобы Он сохранил их от неудачи в их предприятии; Он же благоволил их молитвам, чтобы большое количество людей и вообще весь род человеческий получил благодеяние, пользуясь для исправления жизни любомудрыми и прекраснейшими постановлениями (§ 36).

Таким образом, Божие благословение на перевод было получено, переводчики тщательно подготовились, очистив свои души и помыслы, а окружавшая их обстановка естественным образом располагала их не просто к переводу как обычному филологическому занятию, но к своего рода духовному созерцанию и богообщению. И действительно, далее Филон приводит свою версию рассказа о возникновении LXX, которая в этом месте сильно отличается от версии Псевдо-Аристея и Иосифа Флавия, где впервые формулируется идея так называемого «богодухновенного перевода», практически ничем не отличающегося от пророчества:

Находясь в укромном месте (ἐν ἀλοκρούφῳ) при отсутствии кого-либо и чего-либо, кроме элементов природы — земли, воды, воздуха и неба, — о происхождении которых они прежде всего намеревались изрекать священное откровение (ἱεροφαντήσειν), — ведь творение мира (κοσμοποιία) есть начало законов, — они, будто

¹³ К сожалению, Филон не сообщает, сколько было переводчиков — 72, как в «Послании Аристея», или 70, как в позднейшей традиции.

¹⁴ Данная фраза может быть понята и в другом смысле, который ближе соответствует мнению Филона о богодухновенности перевода LXX: «перевести с помощью пророчеств переданные от Бога законы». См. ниже о переводчиках как пророках.

¹⁵ Некоторые исследователи усматривают в этом «идею ритуальной чистоты», встречающейся как в иудаизме, так и в неоплатонизме. См.: [Schwarz, 1955, 23].

одержимые свыше, начали пророчествовать (καθάρτερ ἐνθουσιῶντες προεφήτευον): не каждый — свое, но все вместе одни и те же слова и глаголы, словно бы каждому из них это невидимо внушал [некий] подсказчик (ὥσπερ ὑποβολεῖως ἐκάστοις ἄοράτοις ἐνηχοῦντος). В самом деле, кто же не знает, что любой язык, особенно греческий, изобилует словами, и одна и та же мысль при переводе и перефразировании может быть выражена многими способами, и в разных обстоятельствах могут использоваться различные выражения? Однако, как говорят, это было совсем не так в случае с этим Законом, но собственные греческие слова в точности совпадали с собственными еврейскими (συνενεχθῆναι δ' εἰς ταῦτὸν κύρια κυρίοις ὀνόμασι τὰ Ἑλληνικὰ τοῖς Χαλδαϊκοῖς), превосходно соответствуя тем предметам, на которые они указывали. Ибо, как я полагаю, так же как в геометрии или логике обозначаемые предметы не допускают различного толкования (ποικιλίαν ἐρμηνείας), но, изначально установленное, оно остается всегда неизменным, точно так же и эти [переводчики], как представляется, находили точно соответствующие предметам слова (συντρέχοντα τοῖς πράγμασιν ὀνόματα), которые одни только или лучше [чем все остальные], могли с точностью прояснить то, что имелось в виду. Ясное подтверждение этому в том, что если бы евреи овладели греческим языком, а греки — еврейским, и прочли бы те и другие Писания (ἀμφοτέρας ταῖς γραφαῖς) — еврейское и переведенное, то они были бы поражены и воздали бы им поклонение, как сестрам, а скорее — как одному и тому же [Писанию] и в предметах, и в словах (ὡς μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ἔν τε τοῖς πράγμασι καὶ τοῖς ὀνόμασι). И они бы назвали тех [старцев] не переводчиками, но посвященными в таинства и пророками (οὐχ ἐρμηνεῖας ἐκείνους ἀλλ' ἱεροφάντας καὶ προφήτας), поскольку им удалось [своими] чистыми мыслями со-
впасть с чистейшим духом Моисея (§ 37–40).

Филон также сообщает, что с тех пор один раз в год на острове Фарос отмечается праздник и торжество (ἑορτὴ καὶ πανήγυρις), на которое собираются как иудеи, так и представители других народов, чтобы почтить «то место, в котором впервые воссиял свет этого перевода (τῆς ἐρμηνείας), воздавая хвалы Богу за столь древнее и вместе с тем всегда новое благодеяние (εὐεργεσίας)» (§ 41).

Таким образом, у Филона Александрийского мы встречаем совершенно иное объяснение того, какие причины привели к возникновению LXX, каким способом этот перевод был осуществлен и сакрализован. Прежде всего, он убежден, что перевод Пятикнижия не был обычным человеческим предприятием: само решение перевести книги иудейского Закона на греческий исходило не столько от воли какого-то человека — пусть даже наилучшего из царей, — сколько от Божественного замысла или попечения (θεῖα ἐπιφροσύνη)¹⁶. Сам перевод священного текста не был простой филологической работой, но был осуществлен при непосредственном Божественном вмешательстве: Сам Бог «невидимо внушал» — можно даже сказать, диктовал¹⁷, — то, что следовало записывать переводчикам, находившимся в состоянии пророческого иступления. Поэтому переводчики в данном случае не были в собственном смысле переводчиками (ἐρμηνεῖς), но скорее — посвященными в Божественные таинства пророками (ἱεροφάντες καὶ προφῆτες), которые могли пророчествовать и достигать высот духовного созерцания, равных тем, которых достиг пророк Моисей — традиционный «автор» Пятикнижия. Другими словами, переводчики, так же как и Моисей, действовали под непосредственным Божественным наитием или вдохновением; они были всего лишь орудиями — инструментами, записывавшими нужные слова, подсказанные им невидимым «подсказчиком» (ὑποβολεῦς)¹⁸ — Самим Богом. Их личные

¹⁶ Указание на этот «замысел Божий» можно видеть также в том, что дело по переводу Пятикнижия было вверено не иудеям, а эллинам в лице самого образованного из их царей. См.: [Pelletier, 1962, 80].

¹⁷ Такой вариант перевода «as though dictated» см.: [Schwarz, 1955, 23].

¹⁸ Первое значение данного слова — «театральный подсказчик», «суфлер», подсказывавший актерам нужные слова из трагедии или комедии.

филологические и научные способности практически не играли здесь никакой роли: более важной была их духовная и ритуальная чистота, а также способность отвлекаться от обыденной «телесной» жизни и воспарять к непосредственному созерцанию Божественной истины. Поэтому им не было никакой необходимости работать коллегиально и обсуждать встречающиеся в тексте трудности или различные варианты перевода, поскольку никаких различий при таком богодухновенном способе перевода просто быть не могло. Следствием этого Божественного вдохновения было отсутствие в переводе каких-либо ошибок, ведь он был должен в точности воспроизводить богодухновенный оригинал, в чем можно было убедиться, сравнив обе версии. Действительно, как замечает Филон, поскольку само Пятикнижие было написано в результате пророческого вдохновения¹⁹, поэтому только новое Божественное вдохновение могло в точности воспроизвести на другом языке священный текст, совершенный как по форме, так и по содержанию. Именно поэтому богодухновенный перевод Пятикнижия не может быть сопоставим ни с каким другим переводом, но находится в полном соответствии со своим богодухновенным оригиналом. Эта окончательная версия была сакрализована не столько мнением религиозных лидеров, сколько Самим Богом как его непосредственным Автором и Вдохновителем.

Итак, у Филона Александрийского мы впервые встречаем теорию «богодухновенного перевода», являющуюся естественным дополнением к его теории пророческого вдохновения, включающей представление о пророке как «переводчике» (ἑρμηνεύς) Бога²⁰. В самом деле, по мнению Филона, главная функция пророка — это провозглашение, или передача, людям воли Бога. Пророк есть всего лишь орудие или посредник, с помощью которого происходит сообщение другим людям того, что Бог сказал или внушил пророку непосредственно, приведя его состояние, близкое к умоисступлению или одержимости²¹. Сам пророк выполняет здесь скорее пассивную, чем активную роль. Однако, по мнению Филона, в определенных случаях пророку также необходимо проявлять человеческую активность и вести диалог с Богом. Подробнее о разных видах пророческой «активности и пассивности» Филон рассуждает в том же трактате «О жизни Моисея», которого он считает «самым выдающимся пророком» (προφήτης δοκζώτατος, De vita Mosis, II 187):

Все, что написано в священных книгах (ἐν ταῖς ἱεραῖς βίβλοις), суть пророчества (χρησμοί), изреченные через него (χρησθέντες δι' αὐτοῦ, т. е. Моисея). Но я буду говорить об их особенностях, сначала сказав вот это. Из [священных] речений (τῶν λόγιων) одни говорятся от лица Бога (ἐκ προσώπου τοῦ θεοῦ) посредством переводчика — Божественного пророка (δι' ἑρμηνέως τοῦ θεοῦ προφήτου)²². Другие сообщены [в форме] вопросов и ответов, а третьи сообщены Моисеем от своего собственного лица как призывающего Бога в свидетели и одержимого Им Самим (ἐπιθειάσαντος καὶ ἐξ αὐτοῦ κατασχεθέντος). Итак, пророчества первого [вида] суть всецело образцы всецелых Божественных совершенств, [например] милосердия и благодетельности, посредством которых [Бог] побуждает к добродетельной жизни всех людей, и особенно тот народ, который Его почитает и которому Он открывает путь, ведущий к блаженству. А пророчества второго [вида] имеют смешанный характер общения (μίξις καὶ κοινωνία), когда пророк спрашивает о том, о чем допытывается, а Бог ему отвечает и научает его. Наконец, пророчества третьего [вида] приписываются [самому] законодателю, когда Бог наделяет

¹⁹ См.: Philo. De vita Mos. II 188.

²⁰ Хотя у Филона мы встречаем первое письменное свидетельство о пророческом или богодухновенном характере перевода LXX, он сам, по всей вероятности, опирался на какое-то устное иудейское предание, которое впоследствии также нашло отражение в раннехристианских и талмудических версиях происхождения LXX. См.: [Вевурко, 2013, 61].

²¹ Ср. Philo. De vita Mos. II 189 (ἐξ αὐτοῦ κατασχεθέντος); II 250 (ὄτ' ἐκπλήξεως... οὐκέτ' ὦν ἐν αὐτῷ).

²² Другой допустимый вариант перевода: «посредством Божественного переводчика — пророка».

его силой предведения, с помощью которой он пророчествует о будущем (*De vita Mosis*, II 188–190).

Как видим, здесь Филон, с одной стороны, рассматривает пророка как чисто пассивное орудие в руках Бога — и в этом случае он скорее должен называться «переводчиком» или «передатчиком» (ἑρμηνεύς), чем «пророком» (προφήτης)²³. С другой стороны, иногда между пророком и Богом возможен диалог для лучшего понимания пророком того, что он должен сообщить, — и в этом случае Бог не столько диктует ему сообщение в состоянии умоисступления, сколько наставляет и убеждает его, развивая его естественные умственные способности. Наконец, Бог может непосредственно вложить в пророка сверхъестественную силу предведения, которой тот обязан пользоваться должным образом. Как представляется, из всех перечисленных здесь видов пророческой деятельности к случаю с переводом Пятикнижия на греческий язык наиболее подходит первый вид — пророчество как пассивная передача («перевод») мыслей Бога на человеческом языке, когда переводчик сам становится богодухновенным пророком и посредником, ничего не изменяющим в изначальном сообщении и практически не использующим свои человеческие навыки, что гарантирует перевод от неточностей и ошибок.

3. *Раннехристианские версии происхождения LXX как «богодухновенного перевода».* Впервые ясно сформулированная Филоном Александрийским идея Божественного происхождения LXX, а также его теория «богодухновенного перевода»²⁴ впоследствии нашли самое широкое отражение как в талмудических²⁵, так и, особенно, в христианских версиях происхождения LXX²⁶. Наиболее ранние христианские версии мы находим у св. Иустина Философа²⁷, Климента Александрийского²⁸, св. Иринея Лионского²⁹, Тертуллиана³⁰ и автора «Увещания к эллинам»³¹. Рассмотрим некоторые из них.

Климент Александрийский в своем рассказе делает особенный акцент на чудесных обстоятельствах происхождения LXX и богодухновенном характере этого перевода. Хорошо зная сочинения Филона, он практически повторяет его идею о богодухновенном переводе как пророчестве для эллинов:

Когда каждый [из семидесяти старцев] по отдельности перевел одно за другим каждое пророчество (ἐν μέρει κατ' ἰδίαν ἐκάστην... προφητείαν), то при сравнении оказалось, что все переводы были единодушны и по смыслу, и по буквальному выражению (συνέλνευσαν αἱ πᾶσαι ἑρμηνείαι... καὶ τὰς διανοίας καὶ τὰς λέξεις). Ибо так было устроено волей Божией (θεοῦ βούλημα), чтобы [эти пророчества] достигли эллинского слуха. Ведь не чуждо вдохновению Бога (ἐπιτινοῖα θεοῦ), даровавшего [иудеям] пророчество, сделать так, чтобы [его] перевод стал как бы эллинским пророчеством (τὴν ἑρμηνείαν οἰοῦναι Ἑλληνικὴν προφητείαν ἐνεργεῖσθαι) (*Strom.* I 22.149.2–3).

²³ Видимо, в свете этого представления Филон говорит, что «иным образом [нечто в Библии] говорится как бы через переводчика» (καὶ ἄλλως λέγεται ὥσαντι δι' ἑρμηνέως), т. е. в первом из указанных выше типов пророческой «активности»; и в этом смысле «перевод и пророчество отличаются друг от друга» (ἑρμηνεία δὲ καὶ προφητεία διαφέρουσι, *Philo. De vita Mos.* II 191). Данная фраза Филона впоследствии будет по-своему истолкована блж. Иеронимом для опровержения теории «богодухновенного перевода». См. ниже § 4.

²⁴ Впрочем, создателем этой теории вряд ли можно считать самого Филона: скорее всего, он опирался на какую-то устную иудейскую традицию, но привнес в нее некоторые собственные мысли о характере пророческого вдохновения. См.: [Вевюрко, 2013, 61].

²⁵ См.: [Pelletier, 1962, 96–97; Вевюрко, 2013, 35–36].

²⁶ Подробнее см.: [Pelletier, 1962, 81–94; Jellicoe, 1968, 41–47; Вевюрко, 2013, 62–74].

²⁷ См.: *Justin.* 1 Apol. 31.

²⁸ См.: *Clem. Alex. Strom.* I 22.148–149.

²⁹ См.: *Iren. Adv. Haer.* III 21.2–3.

³⁰ См.: *Tertullian.* Apol. 18.8–10.

³¹ См.: *Ps. Justin.* Cohort. ad gent. 13.

Новое, что добавляет здесь Климент к рассказу Филона, — то, что переводчики работали раздельно, причем каждый — над всеми книгами («пророчествами») сразу, а при сравнении все их переводы совпали вплоть до буквы. Такое подчеркивание чудесного способа и боговдохновенного характера перевода LXX было призвано авторизовать его использование в христианской Церкви, в то время уже состоявшей большей частью из язычников («эллинов»), и сделать его равным древнееврейскому оригиналу, к которому христианам уже нет необходимости обращаться, коль скоро у них есть свое собственное «богодарованное» «эллинское пророчество» — греческая Библия, ни в чем не уступающая еврейской.

Св. Ириней Лионский дополняет рассказ Климента новыми чудесными подробностями, призванными подтвердить богодухновенность перевода LXX. По его словам, царь Птолемей Лагид (которого он, очевидно, путает с Птолемеем Филадельфом)³²,

желая испытать [семьдесят переводчиков] порознь и опасаясь, чтобы они по взаимному соглашению посредством перевода не скрыли истины, заключающейся в Писаниях, разлучил их друг с другом и повелел всем делать перевод одной и той же [книги] (τὴν αὐτὴν ἑρμηνείαν); точно так же он поступил и относительно всех [остальных] книг. Когда же они собрались все вместе [во дворце] у Птолемея и сравнили друг с другом каждый свой перевод (ἐκάστου τὴν ἑαυτοῦ ἑρμηνείαν), то и Бог был прославлен, и Писания были признаны поистине Божественными (ὄντως θεῖαι), поскольку все они прочитали вслух то же самое, [написанное] теми же самыми выражениями и теми же самыми словами (τὰ αὐτὰ ταῖς αὐταῖς λέξεσιν καὶ τοῖς αὐτοῖς ὀνόμασιν) от начала до конца, так что и присутствующие язычники поняли, что эти Писания были переведены по вдохновению Божию (κατ' ἐπίλυοιαν τοῦ θεοῦ εἰσὶν ἡρμηνευμέναί αἱ γραφαί) (Adv. Haer. III 21.2).

Таким образом, св. Ириней подчеркивает, что как дарование евреям Ветхозаветного Писания было делом Божественного откровения, так и его перевод на греческий является столь же богодухновенным, сколь и оригинал, а значит, имеет равную ему ценность. Другой неизвестный раннехристианский автор III в., написавший большой апологетический трактат под названием «Увещание к эллинам» (традиционно приписывался св. Иустину Философу), хотя и опирается на данные «языческих историй» (ταῖς ἕξωθεν ἱστορίαις), но добавляет к преданию о происхождении перевода LXX такие новые подробности, которые призваны еще более подтвердить его авторитетность и боговдохновенность. В частности, он объясняет, почему переводчики работали не все вместе, но были отделены друг от друга и поселены в отдельные комнаты:

Для того, чтобы они могли без всякой помехи быстрее сделать перевод, он приказал построить не в самом городе, но в семи стадиях от него (где ранее был сооружен маяк), столько маленьких домиков, сколько было переводчиков (ἰσαριθμὸς τῶν ἑρμηνευόντων οἰκίσκους γενέσθαι μικρούς), чтобы каждый из них отдельно сам по себе занимался переводом. При этом он приказал приставленным служителям обеспечить их всем необходимым, но не позволять им общаться друг с другом для того, чтобы после о точности перевода (τὸ τῆς ἑρμηνείας ἀκριβές) можно было узнать по их согласию (διὰ τῆς τούτων συμφωνίας). Когда он узнал, что семьдесят мужей были [единодушны] не только относительно одного и того же смысла (τῇ αὐτῇ διανοίᾳ), но и использовали одни и те же выражения (ταῖς αὐταῖς λέξεσι) и ни в одном слове не разошлись в согласии между собою (μηδὲ ἄχρι μιᾶς λέξεως τῆς πρὸς ἀλλήλους συμφωνίας διημαρτηκότας), но написали одно и то же об одном

³² Царь Птолемей I Сотер, или Лагид (305–282 гг. до Р. Х.) был предшественником Птолемея II Филадельфа. Именно он основал знаменитую Александрийскую библиотеку, для которой впоследствии был сделан греческий перевод Пятикнижия. На разные мнения по поводу того, при каком из Птолемеев — I или II — был сделан перевод LXX, указывает также Климент Александрийский; см.: *Clem. Alex. Strom.* I 22.148.1.

и том же (τὰ αὐτὰ καὶ περὶ τῶν αὐτῶν γεγραφότας), то царь пришел в великое изумление и уверовал, что этот перевод был написан с помощью Божественной силы (θεῖα δυνάμει τὴν ἑρμηνείαν γεγράφθαι). Он признал переводчиков, как людей богоугодных (θεοφιλεῖς ἀνδρας), достойными всякой чести, и приказал с великими дарами отпустить их в свое отечество, а сами книги с почетом положил в том самом месте [т. е. в царской библиотеке], воздав им, как следовало, божественные почести (τὰς δὲ βιβλους ἐκθειάσας, Cohort. ad. gent. 13).

Таким образом, возникшая в среде александрийских иудеев идея о LXX как о «богодухновенном переводе», призванном открыть «эллинам» доступ к древней «еврейской мудрости», достигла высшей точки своего развития в II–III вв. по Р. Х. усилиями именно христианских богословов, придавших ей статус сакрального предания³³. В такой версии предание о LXX как богодухновенном переводе, заменившем собой еврейскую Библию (к тому же местами якобы уже «подпорченную» иудеями в целях полемики с христианами), быстро получило широкое признание во всей христианской Церкви³⁴. Так, мы находим это предание у таких знаменитых отцов Церкви и церковных писателей IV–V вв., как Евсевий Кесарийский³⁵, свт. Кирилл Иерусалимский³⁶, свт. Епифаний Кипрский³⁷, свт. Иоанн Златоуст³⁸ и блж. Августин³⁹. В таком виде предание о чудесном происхождении LXX дошло и до блж. Иеронима Стридонского (ок. 347–419), в лице которого оно впервые встретилось с разрушительной критикой, кардинально повлиявшей на судьбу LXX в Западной Церкви.

4. Блж. Иероним Стридонский и его критика теории «богодухновенного перевода». В 380 или 381 г., еще до начала своей работы над ревизией старолатинского перевода Библии (*Vetus Latina*), которая была вскоре поручена ему Римским папой Дамасом, Иероним в своем Предисловии к «Хронике» Евсевия Кесарийского указывал на то, что к его времени, помимо LXX, существовало по меньшей мере еще шесть греческих переводов еврейской Библии, из которых самые известные были сделаны иудейскими прозелитами Акилой, Симмахом и Феодотионом⁴⁰. При этом он замечает,

³³ Примечательно, что в иудейской равинистической традиции сакральный статус LXX, напротив, со временем терял свои позиции. Так, в талмудическом трактате «Софрим» (VIII в. по Р. Х.) день, в который был закончен перевод Торы для царя Птолемея, называется «лютым днем для Израиля, как день, в который сделали ему тельца». Цит. по: [Вевюрко, 2013, 36].

³⁴ Ср. свидетельство блж. Августина: «Перевод Семидесяти принят Церковью (recepit Ecclesia) так, как если бы он был единственным, и находится в употреблении у греческих христианских народов, из которых весьма многие даже не знают, существует ли еще какой-либо другой [перевод]. С этого перевода Семидесяти был сделан и латинский перевод, который используется латинскими Церквями» (Ecclesiae Latinae tenent, Aug. De civ. Dei XVIII 43).

³⁵ См.: Euseb. Praep. Evang. VIII 1.7.

³⁶ См.: Cyr. Hier. Catech. IV 34. Примечательно заключение, которым св. Кирилл заканчивает свой рассказ о чудесном происхождении перевода LXX: «Ибо это дело состояло не в умении подобрать красивые слова и не в хитрости человеческих мудрствований, но как [сами] Божественные Писания были возвещены Святым Духом, так и перевод их произошел от Святого Духа» (ἐκ Πνεύματος ἁγίου ἢ τῶν ἁγίῳ Πνεύματι λαληθεισῶν θεῶν γραφῶν ἑρμηνεία συνετελεῖτο).

³⁷ См.: Epiiph. De mens. et pond. 3.

³⁸ См.: Ioann. Chrys. Hom. in Matth. V 2.

³⁹ См.: Aug. De civ. Dei XVIII 42–44; De doct. christ. II 15.22.

⁴⁰ Как известно, переводы Акиллы, Симмаха и Феодотиона уже в начале III в. использовал в своих «Гекзаплах» Ориген Александрийский, поместив их в параллельных колонках наряду с древнееврейским текстом, его греческой транслитерацией и переводом LXX. При этом все пропуски и добавления он отметил специальными знаками. Впоследствии, после своего переселения в Палестину, блж. Иероним будет активно использовать оригеновы «Гекзаплы» в своей ревизии старолатинского перевода Библии, а затем — и в новом переводе с древнееврейского. См.: Hieron. Comm. in Tit. 3:9 // PL. 26. Col. 595B; Tract. in Ps. 1.

что побудительным мотивом для них будто бы послужило несоответствие грубого стиля LXX изяществу слога древнееврейского оригинала⁴¹.

Затем, в 384 г., уже начав работу над ревизией старых латинских переводов Нового Завета⁴², блж. Иероним в Предисловии к своему переводу Евангелий, адресованному папе Дамасу, прямо заявляет, что старолатинский перевод Ветхого Завета стоит «на третьей ступени» (*tertio gradu*) по сравнению с древнееврейским оригиналом, поскольку он был сделан с LXX, которая, если развивать мысль блж. Иеронима, отстоит от оригинала на одну ступень. И хотя в этом сочинении блж. Иероним отказывается обсуждать, какой из существующих греческих переводов Библии более точен, он впервые выдвигает следующий критерий оценки точности библейских переводов: «Верным должен быть тот перевод, который одобрен апостолами»⁴³. Этот критерий блж. Иероним впоследствии будет неоднократно использовать для критики LXX⁴⁴. Он, в частности, предполагает, что апостолы и евангелисты, будучи носителями еврейского языка, имели непосредственный доступ к оригиналу и цитировали его так, как считали необходимым, без опоры на LXX. Кроме того, сама мысль блж. Иеронима о том, что как *Vetus Latina*, так и LXX отстоят от оригинала на несколько ступеней, вполне может расцениваться как определенное сомнение в том, что LXX является богодухновенным переводом, целиком и полностью тождественным оригиналу, на чем настаивала вся предшествовавшая иудейская и христианская традиция⁴⁵.

После переселения блж. Иеронима в Палестину в 386 г. эти сомнения еще больше усилились по мере изучения им древнееврейской Библии и гексапларной редакции LXX, которая была ему доступна в Кесарийской библиотеке⁴⁶. В ходе своих исследований он обнаружил значительные расхождения между древнееврейским текстом и LXX; однако он не спешил объяснять их ошибками переводчиков и тем самым отвергать авторитет LXX как перевода, признанного в христианских Церквях богодухновенным. Так, в Предисловии к своей ревизии старолатинского перевода книг Хроник (или Паралипоменон), написанном между 386 и 391 гг., блж. Иероним указывает, что некоторые различия между древнееврейским текстом и латинским переводом греческого текста LXX могли возникнуть по вине переписчиков (*scriptorum culpae ascribendum*), которые исказили многие еврейские имена и названия. Эти ошибки не могут быть приписаны переводчикам LXX, которые, как говорит блж. Иероним, следуя за церковной традицией, «были исполнены Святым Духом (*Spiritu sancto pleni*) и сделали верный перевод оригинала» (*ea quae vera fuerant, transtulerunt*)⁴⁷. Однако он замечает, что между двумя текстами есть такие различия, которые не могут быть объяснены внешними факторами, но так или иначе восходят к деятельности самих переводчиков. Речь идет о тех местах, которые отсутствуют в древнееврейском тексте, но добавлены в LXX. По мнению блж. Иеронима, «то, что добавили семьдесят переводчиков, они сделали или для красоты слога (*ob decoris gratiam*), или властью Святого Духа» (*ob Spiritus sancti auctoritatem*)⁴⁸. Предположительно, блж. Иероним говорит здесь о двух разных случаях добавления в LXX слов или целых фраз, отсутствующих

⁴¹ *divinorum voluminum instrumenta... quae a LXX interpretibus edita, non eumdem saporem in Graeco sermone custodiunt* (Chron. Praef. // PL. 27. Col. 35B).

⁴² По словам Иеронима, к тому времени «существовало почти столько же вариантов [латинского] текста, сколько и рукописей» (*tot enim sunt exemplaria pene quot codices*, Praef. in quat. Evang. // PL. 29. Col. 526C). Подробнее об этой ревизии блж. Иеронима см.: [Фокин, 2010, 27, 64–68].

⁴³ *Sit illa vera interpretatio, quam Apostoli probaverunt* (Praef. in quat. Evang. // PL. 29. Col. 527A).

⁴⁴ См.: Praef. Quaest. hebr. in Gen. // PL. 23. Col. 937; Praef. in Pent. j. Hebr. // PL. 28. Col. 148–152; Praef. in Lib. Jos. j. Hebr. // Ibid. Col. 464A; Praef. in Lib. Psalm. j. Hebr. // PL. 28. Col. 1123A; Ep. 20. 2; 57. 7 и др.

⁴⁵ См.: [Schwarz, 1955, 27].

⁴⁶ См.: [Фокин, 2010, 33–34, 67–68].

⁴⁷ См.: Praef. in Lib. Par. j. LXX // PL. 29. Col. 402A.

⁴⁸ См.: Praef. in Lib. Par. j. LXX // PL. 29. Col. 401B–404A.

в оригинале⁴⁹. В первом случае добавление объясняется стремлением переводчиков из стилистических соображений внести в текст такие фразы и обороты речи, которые передавали бы смысл оригинала не буквально, а с помощью идиом, фразеологизмов и иных выразительных средств греческого языка. Во втором же случае, когда тому, что добавлено в LXX, вообще ничего не соответствует в тексте оригинала, речь идет о «провиденциальных» дополнениях, внесенных в священный текст «властью Св. Духа», т. е. вследствие непосредственного Божественного воздействия на переводчиков.

Как представляется, здесь блж. Иероним идет на компромисс и допускает возможность совместимости теории «богодухновенного перевода» и филологических методов и умений переводчиков. Переводчики LXX хотя и были «исполнены Св. Духом», Который предохранял их от ошибок, однако были свободны в выборе филологических и литературных средств для достижения наилучшего качества перевода. Другими словами, их вдохновение не было вербальным, как это признавалось со времен Филона Александрийского (вспомним его «невидимого Подсказчика»), а получившийся в результате перевод был призван дополнить, но не подменить собой богодухновенный оригинал. Такая позиция также соответствовала общему взгляду блж. Иеронима на характер пророческого вдохновения, согласно которому пророк, исполненный Святым Духом, полностью сохранял свои умственные способности (*sapientiae rationisque plenus*) и свободу воли (*voluntas*): он не впадал в «умоиступление» (*in ecstasi*) и не говорил «против своей воли» (*invitus*); в его власти (*in sua potestate*) было говорить или молчать; он находился в полном сознании и понимал то, о чем говорил⁵⁰. Вероятно, точно таким же образом и переводчики LXX, будучи исполнены Святым Духом, знали то, о чем пишут, и подбирали слова и выражения не по подсказке «свыше», а по своему собственному решению. Такое понимание роли переводчиков LXX также хорошо согласуется с собственными методами и принципами блж. Иеронима, которые он использовал при работе над ревизией старолатинской Библии. Он стремился одновременно использовать и древнееврейский текст, и греческий текст LXX, отмечая различия между ними с помощью диакритических знаков (обелов и астерисков), но не вынося окончательного суждения о природе этих различий. В то время оба текста имели для блж. Иеронима каждый свою ценность и дополняли собой друг друга.

Однако дальнейшее изучение древнееврейского текста Библии и различий между ним и текстом LXX постепенно привело к тому, что блж. Иероним изменил свою прежнюю позицию по отношению к LXX. В процессе своей работы над ревизией старолатинской Библии он пришел к заключению, что во многих случаях древнееврейский текст содержит более ясный смысл, чем текст LXX, а также содержит важные мессианские места, опущенные в LXX. Так, в своем Предисловии к «Книге еврейских вопросов на Бытие» (ок. 391–392 гг.) блж. Иероним прямо указывает, какие цели преследует в данной книге и какими методами пользуется:

Целью моих стараний будет, с одной стороны, опровергнуть заблуждения тех, кто с подозрением строит различные догадки о еврейских книгах, а с другой — вернуть подлинный смысл тем [неясным выражениям], которыми, как кажется, избылируют греческие и латинские книги (*ea quae in Latinis et Graecis codicibus scaterere videntur, auctoritati suae reddere*). Кроме того — объяснить этимологии названий предметов, имен и местностей, ничего не значащих на нашем языке, путем рассмотрения того языка, который является родным для этих слов. И чтобы [вносимое мной в текст] исправление (*emendatio*) понималось с большей легкостью, сначала я буду предлагать свидетельства из наших [книг], а затем с помощью их сопоставления с помещаемыми вслед за ними [переводами еврейского текста] я буду показывать, чего в них не хватает, что они содержат лишнего или что в них написано иначе

⁴⁹ См.: [Schwarz, 1955, 29].

⁵⁰ См.: Comm. in Is. Prol. // PL. 24. Col. 19B–20A; Comm. in Abac. Prol. // PL. 25. Col. 1274B.

(aut minus, aut plus, aut aliter sit). Но я не обвиняю Семьдесят толковников в ошибках, как вопят [мои] недоброжелатели, и не считаю, что мой труд является порицанием для них. Ведь они не пожелали передать Птолемею, царю Александрии, все тайны, заключающиеся в Писаниях, и особенно те, в которых было обещано Пришествие Христа, чтобы не создавалось впечатления, будто иудеи почитают и некоего иного Бога. Ведь этот знаменитый последователь Платона потому был высокого мнения об иудеях, что о них говорили как о почитателях единого Бога. Но и евангелисты, и Господь наш и Спаситель, а также апостол Павел произносят многое вроде бы из Ветхого Завета, однако этого нет в наших книгах (*multa quasi de veteri Testamento proferunt, quae in nostris codicibus non habentur*). Об этом я более подробно скажу в своем месте. Отсюда очевидно, что большего доверия заслуживают те образцы [текста], которые согласуются с авторитетом Нового Завета (*illa magis vera esse exemplaria, quae cum novi Testamenti auctoritate concordant*). Здесь кстати упомянуть, что, по свидетельству Иосифа, который излагает историю Семидесяти толковников (*Septuaginta interpretum historiam*), они перевели только пять книг Моисея. Эти книги и с моей точки зрения более созвучны с еврейскими, чем все прочие [книги Писания] (*plus quam caeteros cum Hebraicis consonare*). А те переводчики, которые появились в дальнейшем, я имею в виду Акилу, Симмаха и Феодотиона, предлагают еще больше отличий по сравнению с принятым у нас чтением (*Quaest. hebr. in Gen. Praef.*)⁵¹.

Высказанные здесь блж. Иеронимом соображения весьма важны с точки зрения того, какую ценность в то время в его глазах имел перевод LXX по сравнению с текстом оригинала. Прежде всего, по его мнению, перевод LXX и сделанные с него старолатинские переводы Библии содержат немало неясных выражений, требующих прояснения с помощью обращения к древнееврейскому оригиналу, в котором их смысл совершенно ясен⁵². Далее, хотя блж. Иероним и не признает открыто, что критикует переводчиков LXX, но самым своим указанием на то, что они посредством своего перевода намеренно скрыли от читателей многие мессианские пророчества Ветхого Завета, он предполагает, что они тем самым исказили его изначальный текст. Объяснение же, которое приводит здесь Иероним в их оправдание, очевидно, и для него самого было совершенно несостоятельным ни с исторической, ни с богословской точки зрения. Очень важно также его замечание о том, что, по историческим данным, Семьдесят толковников перевели только Пятикнижие, текст которого более соответствует древнееврейскому оригиналу; это предполагает, что остальные книги LXX были переведены кем-то другим и не имеют такого же авторитета, как текст Пятикнижия⁵³. Наконец, блж. Иероним прямо указывает на существование расхождений между текстом LXX и ветхозаветными цитатами в Новом Завете и вновь приводит упомянутый выше критерий истинности перевода, состоящий в его согласии с «авторитетом Нового Завета». Позднее, в своем «Письме к Паммахию о наилучшем методе перевода», написанном ок. 396 г., блж. Иероним приведет множество

⁵¹ PL. 23. Col. 936B–938A. Перевод С. Ю. Жукова с незначительными изменениями (Еврейские вопросы на книгу Бытия / Пер. с лат., предисловие, комментарии С. Ю. Жукова. М.: МДАиС, 2009).

⁵² Здесь же блж. Иероним прямо называет древнееврейский текст Библии «еврейской истиной», или «еврейским подлинником», авторитетностью которого был «побежден» Ориген (*hebraica veritate superatus, Quaest. hebr. in Gen. Praef. // PL. 23. Col. 938A*).

⁵³ Так, например, в Предисловии к своему переводу книги пророка Даниила блж. Иероним говорит, что эта книга в составе LXX настолько отличается от ее арамейского оригинала в составе еврейской Библии, что даже в христианских Церквах вместо этого перевода используют перевод Феодотиона. Отсюда блж. Иероним делает такой вывод: «Либо эта книга была только надписана именем Семидесяти, а издана неизвестным автором, недостаточно сведущим в халдейском языке, либо еще по какой другой причине, но я могу утверждать только одно, что перевод весьма далек от истинного [текста] и вполне справедливо был отвергнут» (*Praef. in Lib. Daniel. j. Hebr. // PL. 28. Col. 1291B*).

примеров подобных расхождений, которые он объясняет тем, что «апостолы и евангелисты в переводе книг Ветхого Завета искали смысла, а не слов (*in interpretatione veterum Scripturarum sensum quaesisse, non verba*), и не проявляли большой заботы о [сохранении] порядка слов (*de ordine sermonibusque*), лишь бы была понятна суть дела (*intellectui res pateret*)»⁵⁴.

Так блж. Иероним постепенно пришел к своей концепции «еврейской истины», или «еврейского подлинника» (*hebraica veritas*), предполагающей первичный и непререкаемый авторитет древнееврейского оригинала Ветхого Завета перед любым переводом, за исключением ветхозаветных цитат в Новом Завете, которые по сути совпадают с древнееврейским текстом буквально или по смыслу⁵⁵. Следствием этого было его решение сделать свой собственный новый перевод (*nova editio, novum opus*) Ветхого Завета непосредственно с древнееврейского оригинала. Вероятно, первым примером нового перевода стали Псалмы (ок. 392–393 гг.), гексапларную редакцию которых блж. Иероним осуществил незадолго до этого⁵⁶. За ними вскоре последовали книги Царств, книги 12 малых и 3 великих пророков, книга Иова, затем — книги Ездры и Неемии (394 г.), Паралипоменон (396 г.), книга пророка Иезекииля (398 г.), Восьмикнижие (т. е. Пятикнижие и книги Иисуса Навина, Судей и Руфи, 399–404 гг.), книга Есфири и, наконец, второканонические книги Товита и Иудифи (404–405 гг.)⁵⁷.

Назначение своего нового перевода, который блж. Иероним называл «переводом согласно евреям» (*juxta Hebraeos*) или «переводом согласно еврейской истине» (*juxta hebraicam veritatem*), он видел в том, что этот перевод мог служить, во-первых, вспомогательным средством для лучшего понимания текста LXX, испорченного переписчиками и редакторами, во-вторых, пособием для полемики с иудеями, обвинявшими христиан в искажении текста Ветхого Завета, и, в-третьих, это был научный перевод, в котором с возможной точностью была бы отражена истина оригинала⁵⁸. В своих кратких предисловиях к новопереведенным книгам⁵⁹ блж. Иероним оправдывает свое решение и свои принципы перевода перед лицом многочисленных критиков и недоброжелателей, обвинявших его в ниспровержении авторитета LXX⁶⁰. При этом поначалу он делает это крайне осторожно и не высказывает резких слов в адрес LXX. Так, в Предисловии к книге Иова блж. Иероним пишет:

Посему пусть услышат мои псы, что я работал над этой книгой не для того, чтобы опровергнуть древний перевод (*interpretationem antiquam*), но чтобы то, что в нем или темно (*obscura*), или пропущено (*omissa*), или явно испорчено ошибками переводчиков (*scriptorum vitio depravata*), благодаря нашему переводу стало более ясным (*Praef. in Lib. Job j. Hebr.*)⁶¹.

В Предисловии к книгам Хроник (Паралипоменон) блж. Иероним помимо этих недостатков перевода LXX упоминает также о существовании трех христианских редакций LXX — Исихия, которая была распространена в Александрии и Египте; Лукиана, имевшей хождение в Сирии и Малой Азии, и Палестинской редакции, восходящей к редакторской работе Оригена, Евсевия и Памфила. По мнению блж. Иеронима, это обстоятельство еще больше запутывает ситуацию и дискредитирует существующий

⁵⁴ Ep. 57.9.

⁵⁵ См., например: Ep. 20. 2; 57. 7–9; *Praef. in Lib. Sam. et Mal. j. Hebr.* // PL. 28. Col. 556–558; *Praef. in Pent. j. Hebr.* // *Ibid.* Col. 148–152; *Praef. in Lib. Jos. j. Hebr.* // *Ibid.* Col. 464A; *Praef. in Lib. Psalm. j. Hebr.* // *Ibid.* Col. 1125A; *Praef. in Lib. Job j. Hebr.* // *Ibid.* Col. 1079–1084; *Comm. in Eccl. Praef.* // PL. 23. Col. 1011A и др. См. также: [Williams, 2006, 81–95; Фокин, 2010, 119–122].

⁵⁶ См.: [Cavallera, 1922, II, 157; Williams, 2006, 283].

⁵⁷ См.: [Cavallera, 1922, I, 147–148, 290–291; Kelly, 1975, 158–163, 283–284].

⁵⁸ См.: *Praef. in Lib. Isaiae j. Hebr.* // PL. 28. Col. 774A; *Praef. in Lib. Psalm. j. Hebr.* // *ibid.* Col. 1124–1126; *Praef. in Lib. Job j. Hebr.* // *ibid.* Col. 1082–1084 и др. См. также: [Kamesar, 1993, 69].

⁵⁹ Русский перевод этих предисловий («прологов») см.: [Вевурко, 2013, 897–921].

⁶⁰ См.: [Cavallera, 1922, II, 103–105].

⁶¹ PL. 28. Col. 1082AB. Перевод И. С. Вевурко с небольшими изменениями.

текст LXX, имеющий хождение в столь многих версиях. Кроме того, он вновь указывает на немалое количество присутствующих в Новом Завете ветхозаветных цитат, которые отсутствуют в LXX. И здесь он впервые дает подробное объяснение этого обстоятельства:

Ясно, что апостолы и евангелисты знали перевод Семидесяти; откуда же они говорили то, чего нет в переводе Семидесяти? Христос Бог наш, основатель обоих Заветов, говорит в Евангелии от Иоанна: *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин 7:38). Конечно, написано то, о чем Спаситель свидетельствует, что оно написано. Где же написано? В переводе Семидесяти нет, а апокрифов Церковь не признает. Итак, необходимо вернуться к еврейским [книгам] (*ad hebraeos igitur revertendum est*), откуда и Спаситель глаголял, и ученики брали примеры (*Praef. in Lib. Par. j. Hebr.*)⁶².

Таким образом, блж. Иероним аргументирует, что хотя новозаветные авторы знали о существовании перевода LXX, однако считали его недостаточным для правильного понимания евангельского благовестия и, по примеру Иисуса Христа, свободно обращались к тексту древнееврейского оригинала. Поэтому и христиане не должны ограничиваться переводом LXX, но для правильного понимания Библии им необходимо вернуться к тексту оригинала. Отсюда также следует, что сам перевод LXX не является абсолютно богодухновенным, как это считалось в предшествовавшей церковной традиции, поскольку если бы он был таковым, апостолам и евангелистам не было бы нужды обращаться к древнееврейскому подлиннику.

И действительно, в своем Предисловии к Пятикнижию (ок. 399–400 гг.) блж. Иероним подвергает сомнению предание о якобы «чудесном» происхождении всей LXX (ранее он уже высказывал сомнения в том, что Семьдесят толковников перевели всю Библию, а не только Пятикнижие) и открыто критикует связанную с этим теорию «богодухновенного перевода». Он начинает с того, что новый перевод Библии с древнееврейского — дело небезопасное, поскольку его недоброжелатели обвиняют его в том, будто он оскорбляет перевод Семидесяти, заменяя его своими новыми переводами. Возражая им, блж. Иероним говорит, что он лишь старается сделать свое посильное приношение в Богу, чтобы «богатство одного не осквернялось бедностью других»⁶³. Он также говорит, что на это «дерзание» (т. е. на новый перевод) его побудил научный труд Оригена (т. е. «Гекзаплы», в которых перевод LXX был дополнен другими греческими переводами с древнееврейского), но главным образом это «авторитет евангелистов и апостолов» (*evangelistarum et apostolorum auctoritas*)⁶⁴, которые говорили много такого, чего нет в переводе LXX, но есть в древнееврейском оригинале. Не зная об этом, пишет далее блж. Иероним, многие ищут этих недостающих слов в апокрифической литературе; однако все это есть в «подлинных книгах» (*libris authenticis*), т. е. в еврейской Библии⁶⁵. Источником этого заблуждения блж. Иероним считает ложное предание о чудесном происхождении перевода LXX и связанное с этим понимание деятельности переводчиков как неких «пророков»:

Говорят, что это произошло по мудрому совету [какого-то] иудея (*Iudaei prudenti... consilio*) для того, чтобы Птолемей, почитатель Единого Бога, не заподозрил евреев в двоебожии (*duplicem divinitatem*), к чему они особенно могли дать повод потому, что [Птолемей] считался последователем учения Платона. Поэтому везде, где Писание свидетельствует нечто священное об Отце, и Сыне, и Святом Духе,

⁶² PL. 28. Col.1326A. Перевод И. С. Вевюрко с изменениями.

⁶³ *nes opes alterius aliorum paupertate foedari* (*Praef. in Pent. j. Hebr. // PL. 28. Col. 148D*). По-видимому, Иероним намекает здесь на то, что богатство древнееврейского текста было умалено или затемнено бедностью перевода LXX. Впрочем, фраза допускает различные варианты перевода.

⁶⁴ *Ibid.* Col. 149A.

⁶⁵ *Ibid.* Col. 149D–150A.

они или по-иному перевели (*aliter interpretati sunt*), или вообще умолчали (*omnino tacuerunt*), чтобы и царю угодить, и тайну веры не разгласить. Но я не знаю, кто впервые был автором лжи (*mendacio*) о семидесяти кельях (*septuaginta cellulas*) в Александрии, в которых они, находясь по отдельности, будто бы написали одни и те же [слова] (*quibus divisi eadem scriptitarent*), тогда как Аристей, телохранитель (*ὑπερασπιστής*) самого Птолемея, и гораздо позже Иосиф [Флавий] не сообщают ничего подобного, но пишут, что они были собраны вместе в одно здание, где сравнивали [свои переводы], а не пророчествовали (*in una basilica congregatos, contulisse... non prophetasse*). Ведь одно дело быть пророком, а другое — переводчиком (*aliud est enim vatem, aliud esse interpretem*). Там Дух предсказывает грядущее, а здесь ученость и словарный запас [позволяют] передать лишь то, что понято [умом]. Иначе, пожалуй, следует думать, что и Туллий [Цицерон] ксенофонта «Эконома» и платонова «Протагора» и демосфеново «О Ктесифоне» перевел по наитию ораторского духа (*afflatus rhetorico spiritu*). Или что из одних и тех же книг Святой Дух извлек свидетельства иначе через Семьдесят толковников, а иначе через апостолов, так что последние солгали, будто написано то, о чем первые умолчали. Что же? Мы осуждаем древних? Никак. Но после стараний первых мы трудимся, как можем, в доме Господнем. Они переводили до пришествия Христова, и то, чего не знали, выразили в сомнительных выражениях (*dubiis sententiis*). А мы после Его страдания и воскресения пишем не столько пророчество [о будущем], сколько историческое повествование (*non tam prophetiam, quam historiam*). Ведь иначе следует рассказывать об услышанном, а иначе — об увиденном. И что мы лучше понимаем, то лучше и излагаем. Итак, слушай, ревнитель; вонми, недоброжелатель: я не осуждаю и не отвергаю перевод Семидесяти, но всем им вместе взятым с уверенностью предпочитаю апостолов (*confidenter cunctis illis apostolos praefero*). Их устами говорит со мной Христос; о них я читаю, что они выше пророков (*ante prophetas*) в духовных дарах, среди которых переводчики занимают почти самое последнее место (*ultimum pene gradum interpretes tenent*) (*Praef. in Pent. j. Hebr.*)⁶⁶.

Таким образом, из этого Предисловия становится ясно, что блж. Иероним хотя и не отвергает полностью ценность перевода LXX, но более не считает, что этот перевод является богодухновенным и точно передающим древнееврейский оригинал, а потому никак перевод LXX не способен заменить собой еврейскую Библию, которую следует изучать в подлиннике. Блж. Иероним с явной насмешкой вновь приводит предание о том, что переводчики LXX будто бы из благочестивых побуждений умолчали о тайне Св. Троицы, и говорит, что многое они перевели «сомнительными выражениями» (*dubiis sententiis*), поскольку не понимали истинного смысла написанного. Однако, как представляется, такое объяснение мотивов переводчиков совершенно неприемлемо с точки зрения христианского богословия и разрушительно для самой теории «богодухновенного перевода».

Действительно, блж. Иероним прямо разоблачает здесь как чью-то ложь (*mendacium*) предание о чудесном и богодухновенном происхождении LXX, когда все переводчики будто бы по отдельности перевели все книги Библии и их переводы полностью, до единого слова и буквы, совпали друг с другом. По мнению блж. Иеронима, данное предание не имеет под собой никаких исторических оснований и абсурдно с точки зрения здравого смысла. Наоборот, исторические источники свидетельствуют о том, что переводчики LXX (переведшие, как блж. Иероним упоминал в другом месте, только текст Пятикнижия) работали все вместе, в одном помещении, и сравнивали между собой переводы друг друга, чтобы достичь желаемого оптимального результата. Другими словами, они работали коллегиально, с опорой на свои филологические и литературные способности, что исключает вопрос о вмешательстве Бога в их деятельность и тем самым свидетельствует против богодухновенности перевода LXX.

⁶⁶ Ibid. Col. 150A–152A.

В связи с этим блж. Иероним также критикует саму теорию «богодухновенного перевода». По его мнению, такой перевод вообще невозможен, поскольку переводчик и пророк — это совершенно разные служения или занятия. Перевод основан прежде всего на способности переводчика проникнуть в оригинал, понять его смысл и адекватно выразить этот смысл на другом языке⁶⁷. Пророчество же является данной от Бога сверхъестественной способностью или особым даром («харизмой»); оно может быть до конца не понятным самому пророку, так как предсказывает о будущих, а не о прошедших событиях. Даже если апостолы относили перевод как истолкование «духовных языков» (*interpretatio linguarum*) к дарам Божиим, то они все равно отличали переводчиков от пророков, ставя их на самое последнее место среди тех, кто получил дары от Бога⁶⁸. Поэтому переводчиков LXX, вопреки принятой в Церкви традиции (восходящей, как мы видели, к александрийскому иудаизму), никак нельзя считать пророками, исполненными Божественным вдохновения и писавшими как бы «по подсказке» Св. Духа. В самом деле, если апостолы и евангелисты безусловно обладали Божественным вдохновением⁶⁹, но говорили то, чего нет в переводе LXX, или давали свой собственный перевод ветхозаветных цитат, то перевод LXX не мог быть также вдохновлен Св. Духом, в противном случае Св. Дух противоречил бы Самому Себе.

Итак, в процессе длительного изучения вопроса о соотношении древнееврейского текста Ветхого Завета и его различных греческих переводов блж. Иероним пришел к убеждению, что перевод LXX не является богодухновенным и может использоваться лишь как один из возможных переводов Библии. Этот перевод, сколь бы ни был он почитаем в христианских Церквях, не способен заменить собой древнееврейский оригинал, к которому следует обращаться как потому, что только он является богодухновенным⁷⁰, так и потому, что именно из него брали свои свидетельства Иисус Христос, апостолы и евангелисты⁷¹. В связи с этим легенда о чудесном происхождении LXX как перевода, сделанного одновременно 70 переводчиками по наитию Св. Духа, без какого-либо согласования их переводов друг с другом, не имеет под собой ни исторических, ни богословских оснований; ее следует отвергнуть, равно как и саму теорию «богодухновенного перевода», согласно которой переводчики суть Божественные пророки. Вместо нее блж. Иероним предлагает применять к Библии методы классической теории литературного перевода, скорректированной в сторону более буквального перевода ввиду богодухновенной природы самого оригинала⁷². И хотя против точки зрения блж. Иеронима выступали многие его современники, в том числе такие авторитетные, как блж. Августин, яростно защищавший теорию происхождения LXX как «богодухновенного перевода»⁷³, в конце концов в Западной Церкви возобладал предложенный блж. Иеронимом подход к изучению и переводу Библии, так что сделанный с LXX старолатинский перевод Библии был постепенно вытеснен и заменен иеронимовой Вульгатой, сделанной непосредственно с древнееврейского

⁶⁷ Ср.: hoc unum scio, non potuisse me interpretari, nisi quod ante intellexeram (Praef. in Job. j. Hebr. // PL. 28. Col. 1081A).

⁶⁸ См.: 1 Кор 12:28–31; 14:1–28.

⁶⁹ См.: Еп. 53.3, 8; Comm. in Eccl. 1:1 // PL. 23. Col. 1013C и др.

⁷⁰ Согласно Иерониму, Закон Моисеев был «написан под диктовку Святого Духа» (*Spiritu sancto dictante*, Comm. in Zach. 4:2–8 // PL. 25. Col. 1442A), да и вообще во всех «Священных Писаниях даже порядок слов представляет собой тайну» (*verborum ordo mysterium est*, Еп. 57.5); в них «даже отдельные слова, слоги, черты, точки наполнены смыслом» (*singuli sermones, syllabae, apices, puncta in divinis Scripturis plena sunt sensibus*, Comm. in Ephes. 3:6 // PL. 26. Col. 481A). Подробнее о богодухновенной природе Библии у блж. Иеронима см.: [Schade, 1910; Фокин, 2010, 118–119].

⁷¹ См.: Еп. 57.9; Praef. in Lib. Par. j. Hebr. // PL. 28. Col.1326A; Praef. in Pent. j. Hebr. // PL. 28. Col. 152A.

⁷² См.: [Schwarz, 1955, 34–37].

⁷³ См.: Aug. De civ. Dei XVIII 42–43.

оригинала⁷⁴. Вместе с тем греческий перевод LXX на протяжении многих столетий неизменно сохранял свой богодухновенный статус и сакральный авторитет в греко-византийской Церкви (особенно в ее богослужебной традиции), а впоследствии — в записях от нее славянских Церквях, в том числе в Русской Православной Церкви, где за богослужением до сих пор используется церковнославянская Библия, ветхозаветная часть которой сделана с греческого перевода LXX.

Источники и литература

Источники

1. *Блж. Августин Гиппонский*
De civ. Dei — De civitate Dei
De doct. christ. — De doctrina christiana
2. *Св. Беда Достопочтенный*
Hexaem. — Hexaem. sive In Principium Genesis
3. *Евсевий Кесарийский*
Praep. Evang. — Praeparatio Evangelica
4. *Свт. Епифаний Кипрский*
De mens. et pond. — De mensuris et ponderibus
5. *Климент Александрийский*
Strom. — Stromata
6. *Блж. Иероним Стридонский*
Chron. — Chronicon
Comm. in Abac. — Commentarius in Abacuc prophetam
Comm. in Eccl. — Commentarius in Ecclesiasten
Comm. in Ephes. — Commentarii in Epistolam ad Ephesios
Comm. in Is. — Commentarii in Isaiam
Comm. in Tit. — Commentarius in Epistolam ad Titum
Comm. in Zach. — Commentarius in Zachariam prophetam
Ep. — Epistolae
Praef. in Lib. Daniel. j. Hebr. — Praefatio in Librum Daniel juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Isaiae j. Hebr. — Praefatio in Librum Isaiae juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Job j. Hebr. — Praefatio in Librum Job juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Jos. j. Hebr. — Praefatio in Librum Josue Ben Nun
juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Jos. j. Hebr. — Praefatio in Librum Josue Ben Nun
juxta Hebraicam veritatem

⁷⁴ Превосходство иеронимовой Вульгаты над *Vetus Latina* на Западе (особенно в Италии и Испании) стало очевидным уже в VI–VII вв., а в VIII в. оно было уже неоспоримо (см.: *The New Catholic Encyclopedia* / Ed. B. L. Marthaler. Washington: Catholic University of America Press, 2003. Vol. 14. P. 594). Так, св. Беда Достопочтенный († ок. 735) уже называет перевод блж. Иеронима «нашим переводом» (*nostra translatio*; Hexaem. I // PL. 91. Col. 58A), а также «нашим изданием, переведенным с еврейского оригинала» (*nostra editio, quae de Hebraica veritate translata est*; Ibid. Col. 44A), «которое происходит из источника еврейской истины» (*nostra editio de hebraicae veritatis fonte*; Ibid. Col. 33D). Почетный титул «Вульгата» (лат. *versio vulgata*, «общепризнанная версия») перевод блж. Иеронима получил, вероятно, только в XIII в. (есть свидетельства у Роджера Бэкона) или даже еще позже в XV в. (есть свидетельства у Якоба Фабера, см.: [Мецгер, 2004, 355]). Признание же Вульгаты (*vetus et vulgata editio*) в качестве официальной (*authentica*) Библии Католической Церкви произошло только 8 апреля 1546 г. специальным декретом Тридентского Собора (см.: [Schwarz, 1955, 44, n. 1]; *The New Catholic Encyclopedia*, 2003. Vol. 14. P. 594).

Praef. in Lib. Par. j. Hebr.	— Praefatio in Librum Paralipomenon juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Par. j. LXX	— Praefatio in Librum Paralipomenon juxta LXX Interpretes
Praef. in Lib. Psalm. j. Hebr.	— Praefatio in Librum Psalmorum juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Pent. j. Hebr.	— Praefatio in Pentateuchum juxta Hebraicam veritatem
Praef. in Lib. Sam. et Mal. j. Hebr.	— Praefatio in Librum Samuel et Malachim juxta Hebraicam veritatem
Praef. in quat. Evang.	— Praefatio in quatuor Evangelia
Quaest. hebr. in Gen.	— Liber Quaestionum hebraicarum in Genesim
Tract. in Ps.	— Tractatus LIX in Psalmos
7. <i>Свт. Иоанн Златоуст</i> Hom. in Matth.	— Homiliae in Matthaenum
8. <i>Иосиф Флавий</i> Antiquitates	— Antiquitates Judaicae
9. <i>Блж. Иринея Лионский</i> Adv. Haer.	— Adversus Haereses
10. <i>Иустин Философ и Псевдо-Иустин</i> 1 Apol. Cohort. ad gent.	— Apologia prima — Cohortatio ad gentes
11. <i>Свт. Кирилл Иерусалимский</i> Catech.	— Catecheses
12. <i>Тертуллиан</i> Apol.	— Apologeticum
13. <i>Филон Александрийский</i> De vita Mos.	— De vita Mosis

Литература

14. Вевюрко (2013) — *Вевюрко И. С.* Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М.: Издательство Московского университета, 2013.
15. Мецгер (2004) — *Мецгер Б.* Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2004.
16. Фокин (2010) — *Фокин А. Р.* Блаженный Иероним Стридонский: библиист, экзегет, теолог. М.: Центр библейско-патрологических исследований, 2010.
17. Brown (1992) — *Brown D.* Vir trilinguis. A Study in the Biblical Exegesis of Saint Jerome. Kampen (Netherland): Kok Pharos Publ., 1992.
18. Cavallera (1992) — *Cavallera F.* Saint Jérôme, sa vie et son oeuvre. T. I–II. Louvain; Paris, 1922.
19. Jellicoe (1968) — *Jellicoe S.* The Septuagint and Modern Study. Oxford: Clarendon Press, 1968.
20. Kamesar (1993) — *Kamesar A.* Jerome, Greek Scholarship and the Hebrew Bible: A Study of the Questions Hebraicae in Genesim. Oxford: Clarendon Press, 1993.
21. Kelly (1975) — *Kelly J. N. D.* Jerome. His Life, Writings and Controversies. London: Duckworth, 1975.
22. Pelletier (1962) — *Pelletier A.* Introduction // Sources chrétiennes. Vol. 89. Paris: Cerf, 1962. P. 8–98.
23. Rebenich (1993) — *Rebenich S.* Jerome: The ‘Vir Trilinguis’ and the ‘Hebraica Veritas’ // Vigiliae Christianae. № 47 (1993). P. 50–77.
24. Schade (1910) — *Schade L.* Die Inspirationslehre des heiligen Hieronymus. Freiburg-im-Breisgau, 1910.
25. Schwarz (1955) — *Schwarz W.* Principles and Problems of Biblical Translation: Some Reformation Controversies and Their Background. Cambridge: CUP, 1955.

26. Williams (2006) — *Williams M.H.* The Monk and the Book. Jerome and the Making of Christian Scholarship. London; Chicago (Illinois): University of Chicago Press, 2006.

27. Wright (2006a) — *Wright B.G.* The Letter of Aristeas and the Reception History of the Septuagint // Bulletin of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies. № 39 (2006). P. 47–67.

28. Wright (2006b) — *Wright B.G.* Translation as Scripture: The Septuagint in Aristeas and Philo // Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures / Ed. by W. Kraus, R. G. Wooden. Atlanta: SBL, 2006. P. 47–61.

29. Wright (2015) — *Wright B.G.* Introduction // The Letter of Aristeas / Transl., introd. by B. G. Wright. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 3–74.

Alexey Fokin. The Theory of “Inspired Translation” and Its Criticism by St Jerome of Stridon.

Abstract: The article deals with the question of miraculous origin of the Septuagint and the theory of “inspirational translation”. The author considers the testimonies from the “Epistles of Aristeas to Philocrates”, writings of Aristobulus, Josephus Flavius, and especially Philo of Alexandria, who for first time formulated the theory of “inspirational translation” and equated the translators of the Septuagint to the prophets. Further the development of this theory is analyzed in writings of Early Christian authors of the II – III centuries, such as St. Justin, Clement of Alexandria, St. Irenaeus of Lyons, Tertullian, and in the “Cohortation to the Gentiles”. The author demonstrates that the legend of the origin of the Septuagint as the “inspired translation”, founded by Alexandrian Jews, reached its highest point in Fathers of the Church who viewed it as sacred tradition of the Church. The only Christian author who was critical of this tradition was St. Jerome of Stridon, who in the process of studying the question of the relationship between the Hebrew text of the Old Testament and his different Greek translations, came to conclusion that the Septuagint was not inspired and can only be used as one of different translations of the Bible. This translation cannot replace the original of the Hebrew Bible, which should be addressed because it alone was truly inspired, and Jesus Christ, the Apostles, and the Evangelists took their testimonies directly from it. St Jerome not only rejected the legend of the miraculous origin of the Septuagint, but also sharply criticized the very theory of the “inspirational translation”, instead of which he used to apply the classical philological methods and literary criticism to the Bible. It is noted that the position of St. Jerome during the controversy concerning sacred status of the Septuagint, despite his criticism by many of his contemporaries (in particular, by St. Augustine), was gradually accepted by the Western Church, which rejected the Old Latin translation of the Bible and replaced it with Jerome’s *Vulgata*, which was translated directly from the Hebrew Bible.

Keywords: Judaism, Christianity, Revelation, Bible, Septuagint, inspiration, prophecy, translation theories, Philo of Alexandria, St Jerome of Stridon.

Alexey Ruslanovich Fokin — Doctor of Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (al-fokin@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. *St. Augustine of Hippo*
De civ. Dei
De doct. christ.

- De civitate Dei
- De doctrina christiana

- | | |
|--|---|
| 2. <i>St. Bede the Venerable</i>
Hexaem. | — Hexaem. sive In Principium Genesis |
| 3. <i>Eusebius of Caesarea</i>
Praep. Evang. | — Praeparatio Evangelica |
| 4. <i>Epiphanius of Salamis</i>
De mens. et pond. | — De mensuris et ponderibus |
| 5. <i>Clement of Alexandria</i>
Strom. | — Stromata |
| 6. <i>St. Jerome of Stridon</i>
Chron. | — Chronicon |
| Comm. in Abac. | — Commentarius in Abacuc prophetam |
| Comm. in Eccl. | — Commentarius in Ecclesiasten |
| Comm. in Ephes. | — Commentarii in Epistolam ad Ephesios |
| Comm. in Is. | — Commentarii in Isaiaem |
| Comm. in Tit. | — Commentarius in Epistolam ad Titum |
| Comm. in Zach. | — Commentarius in Zachariam prophetam |
| Ep. | — Epistolae |
| Praef. in Lib. Daniel. j. Hebr. | — Praefatio in Librum Daniel juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Isaiae j. Hebr. | — Praefatio in Librum Isaiae juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Job j. Hebr. | — Praefatio in Librum Job juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Jos. j. Hebr. | — Praefatio in Librum Josue Ben Nun
juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Jos. j. Hebr. | — Praefatio in Librum Josue Ben Nun
juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Par. j. Hebr. | — Praefatio in Librum Paralipomenon
juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Par. j. LXX | — Praefatio in Librum Paralipomenon
juxta LXX Interpretes |
| Praef. in Lib. Psalm. j. Hebr. | — Praefatio in Librum Psalmorum
juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Pent. j. Hebr. | — Praefatio in Pentateuchum juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in Lib. Sam. et Mal.
j. Hebr. | — Praefatio in Librum Samuel et Malachim
juxta Hebraicam veritatem |
| Praef. in quat. Evang. | — Praefatio in quatuor Evangelia |
| Quaest. hebr. in Gen. | — Liber Quaestionum hebraicarum in Genesim |
| Tract. in Ps. | — Tractatus LIX in Psalmos |
| 7. <i>St. John Chrysostom</i>
Hom. in Matth. | — Homiliae in Matthaem |
| 8. <i>Josephus Flavius</i>
Antiquitates | — Antiquitates Judaicae |
| 9. <i>St. Irenaeus of Lyon</i>
Adv. Haer. | — Adversus Haereses |
| 10. <i>Justin the Philosopher and Pseudo-Justin</i>
1 Apol. | — Apologia prima |
| Cohort. ad gent. | — Cohortatio ad gentes |
| 11. <i>St. Cyril of Jerusalem</i>
Catech. | — Catecheses |
| 12. <i>Tertullian</i>
Apol. | — Apologeticum |
| 13. <i>Philo of Alexandria</i>
De vita Mos. | — De vita Mosis |

References

14. Brown (1992) — Brown D. *Vir trilinguis. A Study in the Biblical Exegesis of Saint Jerome*. Kampen (Netherland): Kok Pharos Publ., 1992.
15. Cavallera (1992) — Cavallera F. *Saint Jérôme, sa vie et son oeuvre*. Vol. I–II. Louvain; Paris, 1922.
16. Fokin (2010) — Fokin A. R. *Blazhennyy Iyeronim Stridonskiy: bibleist, ekzeget, teolog* [*Blessed Jerome of Stridon: Bible Scholar, Exegete, Theologian*]. Moscow: Tsentr bibleysko-patrologicheskikh issledovaniy, 2010. (In Russian).
17. Jellicoe (1968) — Jellicoe S. *The Septuagint and Modern Study*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
18. Kamesar (1993) — Kamesar A. *Jerome, Greek Scholarship and the Hebrew Bible: A Study of the Questions Hebraicae in Genesis*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
19. Kelly (1975) — Kelly J. N. D. *Jerome. His Life, Writings and Controversies*. London: Duckworth, 1975.
20. Metsger (2004) — Metsger B. *Ranniye perevody Novogo Zaveta. Ikh istochniki, peredacha, ogranicheniya* [*Early Translations of the New Testament. Their Sources, Transmission, Limitations*]. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2004. (In Russian).
21. Pelletier (1962) — Pelletier A. Introduction. *Sources chrétiennes*. Paris: Cerf, 1962, vol. 89, pp. 8–98.
22. Rebenich (1993) — Rebenich S. Jerome: The ‘Vir Trilinguis’ and the ‘Hebraica Veritas’. *Vigiliae Christianae*, no. 47 (1993), pp. 50–77.
23. Schade (1910) — Schade L. *Die Inspirationslehre des heiligen Hieronymus*. Freiburg-im-Breisgau, 1910.
24. Schwarz (1955) — Schwarz W. *Principles and Problems of Biblical Translation: Some Reformation Controversies and Their Background*. Cambridge: CUP, 1955.
25. Vevyurko (2013) — Vevyurko I. S. *Septuaginta: drevnegrecheskiy tekst Vetkhogo Zaveta v istorii religioznoy mysli* [*Septuagint: Ancient Greek Text of the Old Testament in the History of Religious Thought*]. Moscow: Moskovskiy universitet Publ., 2013. (In Russian).
26. Williams (2006) — Williams M. H. *The Monk and the Book. Jerome and the Making of Christian Scholarship*. London; Chicago (Illinois): University of Chicago Press, 2006.
27. Wright (2006a) — Wright B. G. The Letter of Aristeas and the Reception History of the Septuagint. *Bulletin of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies*, 2006, no. 39, pp. 47–67.
28. Wright (2006b) — Wright B. G. Translation as Scripture: The Septuagint in Aristeas and Philo. *Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures*. Ed. by W. Kraus, R. G. Wooden. Atlanta: SBL, 2006, pp. 47–61.
29. Wright (2015) — Wright B. G. Introduction. *The Letter of Aristeas*. Transl., introd. by B. G. Wright. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015, pp. 3–74.